

Соблюдая традицию, «Московская среда» в начале года дает слово ветеранам, которые рассказывают, как они встречали праздник в тяжелую военную годину. Сегодня об этом вспоминают участники сражений и труженики военных лет, которые в истекшем году выступали на страницах газеты или были героями публикаций.

ПОМНЮ, В ТОТ ВОЕННЫЙ ГОД...

Сергей КРАХМАЛОВ, генерал-майор, первый заместитель председателя Совета ветеранов СЗАО:

Новый 1942 год мы встречали в Ярославской области, готовясь к участию в контрнаступлении на Калининском направлении. Было очень холодно, но наша недавно сформированная 76-я дивизия была прекрасно обмундирована, вооружена и готова к бою. Помню, мне по должности много приходилось писать, чертить, но едва на улице снимал перчатки, как пальцы буквально деревенели. «Мне не нужна красота, - сказал тогда начальник штаба, - работай в рукавицах!» Действительно, строки донесения получались корявые, зато работалось быстрее...

Собственно, никакого особенного праздника не было, мы даже не получали «фронтовые», поскольку находились в резерве. Ну, собрались, конечно, в новогоднюю ночь в штабе - я занимал тогда должность помощника начальника штаба 203-го полка, - что-то там выпили, но больше нас занимало не это. Чувствовалось большое напряжение, которое всегда бывает перед боями, но в то же время настроение было хорошее, поскольку контрастное поведение наших войск, которое мы должны были поддержать, развивалось успешно.

Евгений ТРУБЛЕНКОВ, заслуженный работник культуры РФ, ветеран труда:

В 1941 году нашу школу эвакуировали на Южный Урал, в город Орск Оренбургской (тогда Чкаловской) области. Мы, дети войны, хоть и не участвовали в боях, но наравне со взрослыми привлекались к различным работам. А накануне Нового, 43-го года старшеклассники организовали нам поход в театр. Жили мы на правом берегу Урала, в Соцгородке, а идти надо было на левый берег, в Старый город. Общественный транспорт не ходил, и грузовым машинам предписывалось подбирать пешеходов. В поздних сумерках мы добрались до театра, который тогда был чуть не самым большим зданием в Орске. Давали очень популярную позже пьесу «Давным-давно». На всю жизнь запомнил замечательные голоса актеров, «Кольбельную», другие песни из того спектакля. А прямо в фойе стояли бочки, и в антракте нас угощали квасом.

Вообще в военные годы тяга к культуре была огромная. В нашем Соцгородке не было театра, зато был Дворец культуры. И вот рабочие завода, которые порой не отходили от станков по двое-трое суток, в свободные часы участвовали в самодеятельности. На Новый год выступали эстрадный оркестр, ансамбли песни и пляски, были даже костюмированные номера...

Юрий АЛЕКСАНДРОВ, историк, член комиссии по наименованию улиц, переулков, площадей и станций метро Москвы:

Новый 1942 год я, если так можно сказать, встречал в глубоком немецком тылу, в деревне Рассаха Гомельской области, в крестьянской избе, где скрывался от фашистов. А до этого были первый день войны и мой первый бой с немцами на границе, отступление по Минскому шоссе, трагедия Солов-

евской переправы, окружение под Вязьмой, где я был ранен, потом плен... Когда немцы везли нас на железнодорожных платформах в лагерь смерти, нам удалось «снять» часового и встать. Так я оказался в белорусском колхозе. Рана каким-то чудом затягивалась, и хоть я не представлял, что ждет меня в будущем, - а впереди был снова плен и новый побег, штрафной батальон, ранение в Прибалтике и праздник Победы осенью 45-го в далекой Монголии, - там, в Белоруссии под Новый год я, что называется, пил свободу из морозного воздуха. Это было, наверное, самое сильное чувство, которое я испытал за всю свою жизнь.

Александр ОСЬКИН, полковник в отставке, Герой Советского Союза, танкист, который первым уничтожил «неуязвимый» немецкий танк «королевский тигр» (Т-IV):

Осенью 41-го я был ранен под Наро-Фоминском во время оборонительных боев и оказался в госпитале неподалеку от Сормова. Встречи Нового 1942-го года как таковой у нас не было: какой праздник в больнице? Немцы бомбили наш госпиталь, расположенный вблизи нефтехранилищ, щедро, в основном по ночам, и санитары выносили нас в бомбоубежище.

По следующему Новому году мне довелось встречать уже в составе 1-го Прибалтийского фронта, которым командовал генерал И.Х. Баграмян. Наш резервный танковый полк использовался, что называется, для затыкания дыр на фронте, поэтому каждый раз мы не знали, куда нас направят. Болотистая местность в окрестностях Великих Лук - Невеля - не лучшие условия для тяжелых боевых машин, которые вязли в толях, занесенных снегом. Саперы прокладывали в лесу гати из бревен, возможности маневра не было, и танки часто становились мишенью. Каждодневное ожидание приказа, перемещение из одного района в другой, отсутствие налаженного быта - все это, конечно, не способствовало новогодним посиделкам. Наркомовские сто грамм (а иногда и больше) перед боем казались водой, однако напряжение снимали. Впрочем, как только танки срывались с места, всякое напряжение, предшествовавшее бою, уходило и оставалась одна мысль - как успешнее бить врага.

Подготовил Владимир ПОТРЕСОВ

З а деревней Льялово, что в Солнечногорском районе Подмосквы, у нас были покосы. Сестра Надя работала в лесничестве - высаживала маленькие елочки и сосеночки, ухаживала за ними, а за это лесничество выделяло нам на вырубке порохом травой делянки. А в сторожке неподалеку от наших покосов жил лесник со странной фамилией Передери. Был он по-медвежьему косолап, в неухоженной дремучей бороде всегда пулялись еловые иголки. Большие голубые глаза под мохнатыми бровями светились какой-то печалью. Ходили слухи, что Передери в войну был старостой в занятой немцами деревне, но деревенские старики и старухи говорили, будто лесник был связан с партизанами, которые и выбили немчуру из Льялова. От моих вопросов на сей счет старик уклонялся, как не рассказывал о том, откуда он. Махал рукой и говорил одно:

«Что было, то было, ничего уже не повернешь».

Притянул меня лесник к себе загадочно, может, и я чем-то расположил его к себе - словом, мы подружались. Любил я заезжать к нему на лыжах в предновогодье, прихватив с собой бутылочку «Посольской», которая пришла леснику по душе. Стопарик за стопариком - и он всякий раз затевал рассказ про свою любовь - жену красавицу Анюту, которую любит до сих пор. Но случилось негаданное - влюбилась его Анюта в молоденького немецкого красавца-офицера и отдалась ему. Помалкивала бы, он бы и знать ни о чем не знал, до сих пор жили бы, как и прежде, в любви и дружбе. Ну а как призналась - не смог он простить измены. Срубил себе вот эту сторожку, и один доживает в ней свой век.

Как-то после очередного предновогоднего застолья лесник говорит мне: «Слышь, Микола... Хочешь, зимней брусничкой угощу?»

На мой недоуменный взгляд он ничего не ответил, но стал натягивать полушубок на овечьем меху. Надел куртку и я. Встали с ним на лыжи. Передери прихватил лопату, и покатали мы на вырубку. На опушке он остановился, стал лопатой разгребать сугроб. Откровенно сказать, мелькнула мыслишка: а не того ли старик? Как вдруг увидел я что-то зеленое и алое. И вмиг понял: это брус-

ТЕПЛАЯ БРУСНИКА

ФОТО АЛЕКСАНДРА МАТЮШКИНА

ничные кусты, сплошь облепленные ягодами, от которых лучилась свет и тепло.

«Обирай, неверюха!» - сказал лесник и захохотал неожиданно звонко и озорно.

Набрал я теплых брусничных ягод вместе с лакированными зелеными лепестками большой целлофановой пакет. Когда вернулся в сторожку после банки с березовыми и дубовыми веничками, заварил он брусничный чай, доселе мне не известный. Пивал, бывало, смородиновый, малиновый, клубничный чай, но этот, брусничный, пьянил таким особым запахом и вкусом, что не выразить словами. Зимой запахом летом. В глазах Передери засветились теплые солнечные лучики, а по моему телу разлилась благодать.

«...Давно нет на свете лесника, и сожгли дикие туристы-гитаристы его сторожку, но я по-прежнему всякий раз в канун новогодья достаю с чердака старые березовые лыжи, слаженные еще покойным отцом, и отправляюсь на вырубку под Льялово. Вот и

на этот раз не изменил давней традиции. На опушке разгреб лыжиной сугроб, нарвал алой брусники и вспомнил лесника Передери, на всю жизнь подарившего мне эти теплые ягоды среди холодной зимы».

В эту новогоднюю ночь я не стану смотреть ночные телешоу, а прокручу документальное кино своей жизни с полуголодным, но все равно радужным босоногим военным и послевоенным детством, увижу лица пацанов-другарей - подранков войны, рано ушедших из жизни, первой любви своей - однокурсницы Тамарки Андрияновой и все другие кадры жизни - то радужные, то светло-печальные, то трагичные. А рядомком присядут дорогие для меня люди - мама и мой друг - лесник Еремей Передери, и я налью им по стопочке, а потом угощу брусничным чаем, от которого на душе станет тепло и светло и в этой суровой жестокой бездушной жизни мелькнет светлый лучик любви, веры и надежды.

Николай АНДРЕЕВ

На войне всегда трудно взять языка. Но особенно трудно в условиях позиционной войны перед началом наступления. Так было и на этот раз. В ночь на 25 декабря группы разведчиков одна за другой уходили на задание по захвату языка, но возвращались ни с чем. Надеяться на перебежчиков не приходилось. Они и при более благоприятных обстоятельствах не баловали своими визитами. Теперь же между нами и немцами лежала широкая заснеженная полоса реки, так что и мышь не смогла бы проскочить незамеченной. И все-таки офицеры политотдела армии еженощно отправлялись к Висле и через микрофон мощной громкоговорящей установки обращались к немецким солдатам с призывом прекратить сопротивление, сдаваться в плен, переходить на сторону Советской армии.

В ночь на 25 декабря на выполнение этого задания выехали лейтенант Конрад Вольф и автор этих строк. Так как был католический сочельник, мы несколько изменили программу вещания и вместо какого-нибудь шлягера (с чего обычно начинались передачи) использовали в качестве музыкального вступления рождественскую песню «Тихая ночь, святая ночь». Как и следовало ожидать, ее исполнение не было нарушено ни одним выстрелом. Очевидно, немцы слушали ее с благоговением. Но когда мы, сменяя друг друга у микрофона, обратились к ним с призывами, начался сущий ад. С противоположного берега на нас обрушился шквал огня автоматов, пулеметов и минометов.

Внезапно мы заметили на заснеженном льду, покрывавшем реку, черную точку. Она быстро двигалась в нашу сторону. Огонь стал еще интенсивнее.

НОЧЬ ПЕРЕД РОЖДЕСТВОМ

Весь декабрь 1944 года на нашем участке фронта царил затишье. Советские войска, достигнув Вислы и закрепившись на ее восточном берегу, готовились к форсированию реки. На противоположном крутом берегу лежала в руинах залитая кровью, но не покоровившаяся фашистами Варшава.

ФОТО АЛЕКСАНДРА МАТЮШКИНА

Но стреляли уже не по нам, а по этой точке. «Так ведь это же перебежчик!» - радостно воскликнул Конрад. Человек вскарабкался на берег - изможденный, запыхавшийся, но счастливый, что уда-

лось избежать верной смерти. Мы дали ему отдышаться, затем подвели к микрофону и предложили обратиться к своим однополчанам. И он сделал это - несколько неумело, но с большим рве-

нием; называл по имени своих товарищей и кричал им: «Не верьте нашему командиру! Русские не расстреливают пленных. Следуйте моему примеру!»

И тут случилось самое невероятное: мы опять увидели на льду реки черную точку. Еще один перебежчик! И по нему его соотечественники тоже открыли убийственный огонь. Но опять свершилось чудо: он также выбрался на берег целым и невредимым, правда, подал к нашим соседям, оказался в расположении 1-й Польской армии, которая плечом к плечу с Советской армией сражалась за освобождение своей страны. Это был один из тех солдат, к которым обращался первый перебежчик. Нужно было свети их вместе, но как?

Мы возвратились в политотдел и получили приказ отправиться в штаб 1-й Польской армии. Перебежчика взяли с собой. Наш грузовик долго трясся по ухабам проселочной дороги. Наверху, в кузове, ледяной ветер продувал нас сквозь, и мороз пробирал до мозга костей. Мне вспомнилось, что и у Гоголя ночь перед рождеством была очень морозной. Лишь после полуночи наконец добрались до нужной деревни и, оставив грузовик на улице, вошли во двор дома, где находился польский штаб. Стояла такая темень, что ничего нельзя было различить. Внезапно раздался громкий голос: «Гасло!» Мы, правда, не поняли, что это означает, но постарались на ломаном польском языке объяснить причину своего появления. Очевидно, наше объяснение оказалось не

очень вразумительным, потому что загадочное слово «Гасло!» прозвучало еще дважды, с каждым разом все более повелительно и нетерпеливо. Прогрессивный оглушительный выстрел. И в это мгновение я заметил (скорее, почувствовал), что Конрад нет рядом со мной. «Боже мой! - подумал я в ужасе. - Пуля, наверное, попала в него!» Но в следующий момент я услышал его голос (почему-то он доносился откуда-то снизу, как будто из преисподней, и был едва слышен): «Володя, я упал в какую-то яму». На выстрел из дома выбежали несколько польских офицеров. Они помогли Конраду выбраться и объяснили нам, что таинственное «Гасло!» означало пароль.

Дальше все пошло, как в рождественской сказке со счастливым концом. Нас ввели в жарко натопленную комнату, и начальник разведотдела штаба армии (который показавшись нам Дедом-Морозом, хотя и в форме польского полковника) приказал привести второго перебежчика. Его уже доставили в штаб. Оба солдата обнялись. Я не запомнил их имен, но в памяти глубоко запечатлелись лица, на которых можно было легко прочитать и перенесенный страх, и радость спасения. Каждый из них получил (точнее, сделал сам себе) самый дорогой рождественский подарок - жизнь!

Мы сели в грузовик и поехали обратно, теперь уже с обоими перебежчиками. Ночь ушла за Вислу на запад, куда через три недели под натиском советских войск отступили корпуса и дивизии гитлеровского вермахта. На востоке забрезжила заря нового дня - первого дня Рождества.

Владимир ГАЛЛ, майор в отставке